

К этому времени уже почти рассвело. С появлением Юй Сян сёстры-чайные цветы почувствовали себя куда свободнее. Ми Сюэ взяла свою сестру за руку и долго уговаривала её, пока та наконец не согласилась прийти следующей ночью.

Лин И, который всю ночь служил живой грелкой, всё ещё был уткнулся мордой в подушку и сладко спал, бормоча что-то во сне:

— Хозяин... кто-то пришёл... а... это птица... не бойся... птица хорошая... малышки тоже хорошие... м-м... почему я не могу проснуться... хр-р-р... ах... вкусная еда...

*

Разбуженный в час Инь чайными цветами и проговоривший с ними около четверти часа, Ши Сюнь так и не смог заснуть до утра. Поднялся он уже в час Мао, да и умывался наспех, кое-как. Лин И спал рядом и, естественно, проснулся вместе с хозяином. Впрочем, Лин И выспался на славу, поэтому, даже встав рано, был в прекрасном расположении духа и покорно следовал за Ши Сюнем.

Едва Ши Сюнь привёл себя в порядок, как Лин И потащил его завтракать в придорожную закусочную. Сейчас Ши Сюнь чувствовал себя так, будто голова налилась свинцом, а ноги стали ватными, и он едва не засыпал на ходу.

Остальные ещё не спустились, и Ши Сюнь заранее занял квадратный столик, усевшись с Лин И по двум сторонам — восточной и южной. Получив разрешение Ши Сюня, Лин И принялся уплетать еду с совершенно беззаботным аппетитом.

Хотя Лин И и выглядел теперь на восемнадцать лет, его характер и повадки изменились несильно. Взять хотя бы манеру есть — она осталась прежней. Пусть он никогда не ел жадно или неопрятно, но, начав, остановиться ему было ох как трудно. Если бы Ши Сюнь, как обычно, не следил строго за его порциями, Лин И мог бы умять две большие миски рисовой каши и продолжать есть дальше, пока не лопнул бы.

Позавтракав, до часа Чэнь оставалось примерно время на одну чашку чая. Ши Сюнь положил голову на стол и провалился в лёгкую дремоту. Таким его и застал подошедший Гу Яо.

Сидя на северной стороне стола лицом к южному окну, Ши Сюнь подставил лицо утреннему солнцу, и тот вынужден был прикрыть глаза ладонью. На освещённой солнцем коже отчётливо проступили тонкие зеленоватые прожилки.

Гу Яо присел рядом, заслонив свет, и пальцы Ши Сюня тут же расслабились. Свободно собранные волосы рассыпались по его пальцам и лбу, создавая лёгкий беспорядок. Гу Яо приподнял его, усадил поудобнее, слегка поправил растрёпанные пряди и, оперевшись левой рукой о спинку скамьи, позволил Ши Сюню удобно устроиться на своём плече.

Оказавшись так близко, Гу Яо с его чутким духовным сознанием уловил едва заметный, но чужеродный запах — демонической энергии.

Чуть позже подошли Байли Вэнь и Лин Сяо с кроликом на руках. Увидев эту картину, Лин Сяо тут же сделал вид, что погрузился в созерцание собственного носа, занимаясь исключительно своими делами. Байли Вэнь же, отхлёбывая кашу, почувствовал, что она стала безвкусной, словно жвачка, а его брови сдвинулись, образовав перевёрнутую восьмёрку.

Рассмотрев, как Гу Яо заботится о Ши Сюне, и вспомнив при этом любовно-страдальческие истории из мирских романов, Байли Вэнь почувствовал, как в нём зазвенела тревога: Неужели он впал в грех однополой любви?

Тот Гу Яо, которого он знал прежде, был образцовым примером для подражания из уст всех горных школ и Высших бессмертных — безупречный в поведении, умеющий держать дистанцию в общении, с характером, снискавшим всеобщую похвалу. Чьи отпрыски не ставили его в пример своим детям?

При первой встрече Байли Вэнь принял его за ханжу, но, сойдясь ближе, понял, что тот просто искусен в человеческих отношениях. Даже старейшины, пытавшиеся свести его с партнёрами для двойного совершенствования, никогда не оставляли своих попыток. А Гу Яо в те времена был непреклонен и неприступен, словно небожитель, и Байли Вэнь искренне им восхищался, полагая, что тот всецело поглощён путём бессмертия и чужд мирской суеты. Но по сравнению с его нынешней нежностью и заботливостью прежняя учтивость казалась сущей мелочью.

Что же делать!

*

Ши Сюнь проспал около времени, необходимого на чашку чая, и проснулся как раз, чтобы позавтракать с остальными. С тех пор как в голове Байли Вэня укрепилась определённая мысль, он начал то и дело бросать на лицо Ши Сюня оценивающие взгляды, хмурия брови с оттенком осуждения. Ши Сюнь, естественно, не остался в долгу и устремил на него свой ясный взгляд, заставив Байли Вэня в конце концов отвести глаза.

Позавтракав, компания разошлась. Гу Яо взял Ши Сюня за руку и повёл к пристани у дорожной станции.

Хотя на мелководье Моря Цанцуй судоходство было невозможно, для красоты при станции всё же были построены несколько причалов, служивших отличными смотровыми площадками.

Гу Яо усадил Ши Сюня на мостике пристани, перевернул его с ног на голову, удостоверился, что на том не осталось следов демонической печати, и только тогда спросил:

— Я уловил на тебе крайне слабый запах демонической энергии. Ты с кем-то столкнулся

прошлой ночью? Я живу в соседней комнате, если что — зови.

Ши Сюнь отнёсся к этому не столь серьёзно и лениво буркнул в ответ:

— Ничего страшного. Всего лишь два чайных цветка. Если на то пошло, я им даже обязан. Малютки сказали, что я им нравлюсь, полагаю, ещё пару дней будут навеваться поиграть.

Сказав это, он уставился на поднимающееся над морем ослепительное солнце.

Утренний морской бриз нёс прохладную солоноватую свежесть, которая на безбрежной глади моря ощущалась удивительно приятно. Ночной весенний холод немного отступил, оставив после себя лишь лёгкую прохладу, ласкаемую тёплыми лучами.

— Я хочу держать тебя за руку, — вдруг произнёс Гу Яо.

— Хорошо.

Ответ последовал без малейших колебаний, и почти одновременно ему протянули один палец. Да, всего один указательный палец — словно уступая капризу ребёнка.

Гу Яо зацепил этот палец, разжал остальные и мягко обхватил их, сжимая лишь первую фалангу. Большой палец принялся водить туда-сюда, то поигрывая с суставами, то поглаживая подушечки.

И тут Гу Яо вдруг задумался: а что он на самом деле чувствует к Ши Сюню?

Очевидно, у них был трёхлетний опыт совместной жизни и взаимной зависимости — это прочная основа, родственная связь. Хотя срок и недолог, её прочности хватило бы, чтобы оправдать их постоянное общество друг друга в будущем.

Как и сейчас: даже будучи двумя взрослыми мужчинами, стоило ему попросить о близости — и другой не отказывал, не отстранялся и не корил его за наглость.

Они не виделись двадцать семь лет. Возможно, у каждого за это время появились дела и люди поважнее, чем в те времена, когда они были одиноки. И всё же они по-прежнему могли безмятежно просить и давать ту же самую близость.

С самой первой встречи эти двое были подобны двум верёвкам, связанным накрепко в одном узле. Концы же их не переплетались, уходя каждый в свою даль. Но всё началось именно с этого узла, что связал их неразрывно, породив сильный резонанс.

— Ши Сюнь, тебе не кажется странным, что два мужчины так близки? — Он услышал, как сам

задал этот вопрос. Разве не табу — выносить подобные намёки на свет?

Ши Сюнь вздрогнул и мгновенно отдернул руку, спрятав её в широкий рукав. Лицо его резко побледнело. Он поспешно вскочил, едва не споткнувшись о длинный подол, кое-как поправил одежду и скрылся в комнате.

Гу Яо почувствовал горечь во рту. Прекрасные отношения — и снова разрушены им самим.

Однако, вернувшись в комнату, Ши Сюнь выказал лишь озабоченность и чувство вины. В прошлой жизни склонность к однополю любви была его собственным выбором, но, получив второй шанс, измениться оказалось не так-то просто. Он уже смирился с мыслью, что проведёт жизнь в одиночестве, и никак не ожидал, что неосознанно подаст Гу Яо такой дурной пример.

Но разве дело ограничивалось лишь дурным примером?

*

На полпути к своей комнате Ши Сюня остановил Байли Вэнь.

— Товарищ Ши Сюнь, можно на слово?

Отношение Байли Вэня к Ши Сюню было предельно ясным — одно лишь «не нравится». Ши Сюнь это видел, но, ради Гу Яо, держался подчёркнуто вежливо, отчего атмосфера в главном зале стала откровенно тяжёлой.

Однако Байли Вэню потребовалась всего пара фраз, чтобы превратить эту всеобщую неловкость в личное унижение Ши Сюня.

— Товарищ Ши Сюнь, ты знаешь, где проходит грань чувств между единомышленниками. Сейчас я скажу тебе прямо: Гу Яо всегда был и остаётся образцом благородства и праведности среди бессмертных. Больше я ничего не скажу. Надеюсь, ты понял.

Рука Ши Сюня, державшая чайную чашку, застыла на месте, едва Байли Вэнь закончил говорить. И лишь когда он несколько неестественно поставил чашку на стол, стало ясно, насколько эти слова задели его за живое.

<http://bllate.org/book/15523/1379873>